

Николай Черныш

"Цена мастерства"

18+

Николай Черных

"Цена мастерства"

<https://litres.ru/74617068>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре повествования — история мастера-оружейника Ильи, которому предстоит создать уникальное оружие по заказу королевского двора. Клинок справедливости должен обладать особым свойством — узнавать своих жертв. Однако цена такого мастерства оказывается непомерно высокой: каждое новое свойство оружия требует от кузнеца части его собственной памяти.

Погружаясь в работу, Илья сталкивается с мрачной тайной своего ремесла: чем совершеннее становится клинок, тем больше воспоминаний уходит из его головы. В борьбу за сохранение своей личности и семьи вмешивается загадочный чужак, предлагающий вернуть утраченное за определённую плату.

Это история о выборе между долгом и совестью, о цене мастерства и ценности памяти, о том, как важно оставаться человеком даже в самых сложных обстоятельствах. Роман исследует темы личной ответственности, морального выбора и истинного предназначения искусства кузнечного дела.

Николай Черных

"Цена мастерства"

Глава 1. Узоры на металле

В мастерской Ильи пахло углём, горячим железом и старой древесиной. Пламя горна тихо гудело, будто старалось не мешать мастеру. На верстаке лежала заготовка клинка — полоса стали, уже выровненная и отпущенная, готовая принять руны. Для большинства людей это была просто заготовка. Для Ильи — почти живое существо, которое ещё не знало, кем ему быть.

Он взял уголёк и вывел первую руну — знак твёрдости, тот самый, что его учитель когда-то вырезал на рукояти первого ножа Ильи. Руна должна была лечь уверенно, глубоко, привычно. Но вместо неё на металле появилась кривая линия, а следом — ещё одна, и ещё. Не руна, а каракуля. Будто детская рука водила угольком по стали.

Илья замер. Он провёл пальцем по линии, словно надеясь стереть её, как стирают мел с доски. Но металл не забывал.

Это началось не сегодня. Сначала он не мог вспомнить, как звали его первого учителя по кузнечному делу — не того, кто учил рунам, а того, кто показал, как держать клещи. Потом пропали детали сна, который он видел каждую ночь в детстве. А теперь вот это: руны, которые он выводил тысячи раз, рассыпались в детские каракули.

«Цена мастерства», — прошептал Илья, будто повторяя старую, горькую поговорку. Чем сильнее ты вкладываешься в ремесло, тем больше оно берёт из тебя. Не силы, не здоровья — памяти. Воспоминания уходили в металл, становились его сутью, его характером. И чем тоньше работа, тем дороже плата.

А этот клинок должен был быть тоньше всего, что он делал раньше.

В этот момент в дверь постучали. Не вежливо, не робко — так стучат люди, привыкшие, что им открывают сразу.

Илья отложил уголёк, вытер руки о фартук и пошёл к двери. На пороге стояли двое.

Первый — посланник двора. В чёрном плаще с серебряной каймой, с лицом, будто высеченным из камня. Второй — чужак. Тот самый, что неделю назад крутился у рынка, предлагал «вернуть утраченное» за пару монет и странный амулет. Илья тогда только хмыкнул и прошёл мимо. Теперь чужак стоял здесь, рядом с посланником, и улыбался так, будто знал что-то, чего не знал никто.

— Илья, мастер-оружейник, — холодно произнёс посланник, будто читал строчку из свитка. — Тебе поручен заказ. Клинок для наследника престола. Срок — три недели.

Илья не пригласил их войти. В мастерской не было места для чужих взглядов.

«— Я не беру заказов от двора», — сказал он, стараясь говорить ровно.

Посланник чуть наклонил голову, будто рассматривал мастера, как рассматривают упрямую деталь механизма.

— Это не просьба, мастер. Это приказ. Отказа не принимают.

Внутри у Ильи всё сжалось, но он не опустил глаз.

— Три недели — мало. Для такого клинка нужно время. И не только моё.

— Время есть, — посланник достал свиток и протянул его Илье. — Материалы, доступ к архивам гильдии, помощь подмастерьев — всё указано здесь. Но клинок должен быть готов.

Илья развернул свиток. Строки плыли перед глазами. Он сжал бумагу, чувствуя, как хрустит пергамент.

— Что должно уметь это оружие? — спросил он, уже зная, что ответ ему не понравится.

— Оно должно знать, кого убивать, — спокойно ответил посланник.

Илья почувствовал, как холод пробежал по спине. «Знать, кого убивать» — редкая и опасная техника. Она требовала не просто мастерства, а личной жертвы: воспоминаний о людях, о их слабостях, о том, что делает их уязвимыми. Чтобы клинок узнавал врагов, мастер должен был вложить в него знание о них. А значит — отдать часть своей памяти.

— Нет, — сказал Илья твёрдо.

Чужак, стоявший чуть позади посланника, тихо рассмеялся.

— Ты всегда такой упрямый, мастер? Или просто боишься?

Илья посмотрел на него.

— Я ничего не боюсь. Я знаю цену.

— А я знаю, как её снизить, — промурлыкал чужак, делая шаг вперёд. — Я могу вернуть тебе то, что ты уже отдал металлу. Твои воспоминания. Не все, конечно. Но самые важные. За небольшую услугу.

Илья сжал кулаки.

— Мои воспоминания не продаются.

— Они и не твои уже, — мягко возразил чужак. — Они в металле. Или в воздухе. Или в чьих-то чужих вещах. Я просто умею их находить.

— Убирайся, — сказал Илья, и в его голосе прозвучала сталь, которую он привык слышать в своих клинках.

Чужак не обиделся. Он лишь улыбнулся, чуть склонил голову и сказал:

— Ты ещё вспомнишь мои слова, мастер. Когда поймёшь, что цена выше, чем ты думал.

Посланник посмотрел на чужака, будто решая, стоит ли его прогонять, но потом снова перевёл взгляд на Илью.

— Срок — три недели, — повторил он. — Клинок должен быть готов. И он должен выполнять свою задачу.

Илья кивнул. Не потому что согласился, а потому что понял: выбора у него нет.

— Будет сделано, — проговорил он, чувствуя, как слова

царапают горло.

Посланник развернулся и пошёл прочь, шурша плащом. Чужак задержался на мгновение, посмотрел на Илью так, будто видел не мастера, а дыру на месте его воспоминаний, и тихо сказал:

— Ты ещё вспомнишь.

И ушёл.

Когда дверь закрылась, Илья остался один. Он вернулся к верстаку, посмотрел на заготовку, на каракули, которые так и остались на металле. Он взял уголёк снова, но не стал выводить руны. Вместо этого он провёл пальцем по каракуле, будто пытаясь прочитать в ней что-то важное.

«Прости, — прошептал он, обращаясь не то к металлу, не то к себе самому. — Но я должен сделать это».

За окном начинался вечер. В доме за стеной зажёгся свет. Там была его семья. И ради них он был готов заплатить любую цену. Даже если она измерялась не золотом, а воспоминаниями.

Глава 2. Гильдия и её законы

Утро выдалось серым и тяжёлым, будто небо копило дождь, чтобы обрушить его именно на тех, кто сегодня собирался идти в Гильдию. Илья накинул старый кожаный плащ — не ради статуса, а чтобы скрыть следы работы: въевшуюся в рукава копоть, царапины от окалины, пятна масла. В городе считалось, что мастер должен выглядеть опрятно, почти

торжественно. Илья считал, что мастер должен пахнуть железом.

Гильдейский дом стоял в центре оружейного квартала — массивное здание из тёмно-серого камня, с коваными решётками на окнах и тяжёлыми дверями, которые открывались только перед теми, у кого был знак мастера. Илья подошёл к дверям, постучал условным ритмом — три удара, пауза, два. Замок щёлкнул, створки приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить одного человека.

Внутри пахло воском и старой бумагой — совсем не так, как в мастерской. Здесь ремесло прятали за полировкой и протоколами. По коридорам сновали писцы с папками, а вдоль стен стояли витрины с образцами: клинки, выставленные как музейные экспонаты, без единой царапины, без намёка на то, что ими когда-то рубили.

Старейшина гильдии, мастер Гордей, сидел в зале приёмов за столом, заваленным свитками. Он не поднял глаз, пока Илья не остановился в трёх шагах от стола.

«— А, Илья», — произнёс Гордей, наконец взглянув на него. — Тот самый, кто не любит почётных заказов.

Илья не стал оправдываться.

— Я пришёл принять заказ двора. Официально. И получить материалы.

Гордей хмыкнул и подвинул к себе свиток, который Илья принёс с собой — копию распоряжения посланника. Развернул, пробежал глазами, постучал пальцем по строке, где го-

ворилось о свойствах клинка.

— «Знать, кого убивать», — прочитал он вслух, будто пробуя фразу на вкус. — Редкая техника. Опасная. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — коротко ответил Илья.

— Не уверен. Это не просто руны на лезвии. Это знание, вложенное в металл. Чтобы клинок узнавал врага, ты должен отдать ему память о людях: их слабости, их страхи, их привычки. Чем точнее клинок, тем больше он требует. И ты не сможешь вернуть это обратно.

Илья кивнул. Он уже знал это. Но услышать подтверждение от старейшины было важно — чтобы не оставалось иллюзий.

— Тогда ты понимаешь и другое, — продолжил Гордей, понизив голос. — Если клинок не сработает, если он ошибётся или окажется слабее, чем нужно, — пострадает не только твоя репутация. Пострадает репутация всей гильдии. А мы такого не прощаем.

В этот момент дверь приоткрылась, и в зал скользнул мастер Витольд — один из тех, кто всегда держался поближе к старейшине. Его клинок когда-то занял второе место на гильдейском смотре, а первое досталось Илье. С тех пор Витольд смотрел на него так, будто искал на его работе изъян.

— Значит, Илья всё-таки решился взять этот заказ, — протянул Витольд с фальшивой улыбкой. — Какой благородный поступок. Надеюсь, у тебя хватит мастерства оправдать

доверие двора.

Илья не ответил. Он не собирался спорить с Витольдом при старейшине. Но и опускать глаза не стал.

«— Материалы будут выданы сегодня», — сказал Гордей, игнорируя реплику Витольда. — Сталь особой плавки, рунные заготовки, составы для травления. Но помни: это не подарок. Это аванс. Если клинок не будет соответствовать требованиям, гильдия потребует компенсацию. Не деньгами — работой. Или репутацией.

Илья почувствовал, как внутри всё сжалось. Компенсация работой означала годы низкооплачиваемых заказов. Компенсация репутацией — конец карьеры.

— Есть ещё один момент, — тихо добавил Гордей, наклонившись вперёд. — Отказ от заказа невозможен. Не только потому, что это приказ двора. Но и потому, что последствия коснутся не только тебя.

Илья замер.

— О чём ты?

Гордей помолчал, словно взвешивая слова.

— В гильдии помнят не только успехи мастеров. Помнят и их семьи. Если ты откажешься, если покажешь, что не готов служить интересам города и двора, это будет записано. И когда твоя дочь подрастёт, когда она захочет учиться ремеслу, ей могут отказать. Не потому, что она неспособна. А потому, что её отец однажды не выполнил долг.

Илья сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он

знал, что старейшина не угрожает напрямую. Он просто констатирует правила игры, в которую все давно играют.

— Ты хочешь сказать, что у меня нет выбора? — спросил Илья, стараясь говорить ровно.

— У тебя есть выбор, как выполнить заказ, — ответил Гордей. — Но не отказаться от него.

Витольд хмыкнул, будто услышал что-то забавное, и вышел из зала, оставив запах дорогого масла для клинков.

«— Возьми материалы», — сказал Гордей, протягивая Илье ключ от кладовой. — И помни: три недели — это не просто срок. Это испытание. И не только твоего мастерства.

Илья взял ключ. Металл был холодным и тяжёлым.

В кладовой пахло металлом и пылью. Ряды полок уходили в полумрак, на стеллажах лежали бруски стали, свёрнутые рулоны рунных пластин, банки с составами для травления и закалки. Илья нашёл свою ячейку по номеру, открыл её и начал складывать материалы в сумку. Сталь особой плавки была тяжелее обычной — будто в ней уже лежала часть той цены, которую предстояло заплатить.

Когда он вышел на улицу, солнце наконец пробилось сквозь тучи, но тепла не принесло. На углу, у выхода из квартала, стоял чужак — тот самый, что приходил к нему вчера. Он не подходил, не звал, просто стоял и смотрел. Когда Илья поравнялся с ним, чужак чуть склонил голову, как будто в молчаливом приветствии.

«— Думал, ты сразу побежишь ко мне, как только узнаешь цену», — сказал он тихо, чтобы не слышали прохожие.

— Цена мне известна, — ответил Илья.

— Но ты не знаешь, сколько она будет стоить в конце. А я знаю. Хочешь, расскажу?

— Нет.

Чужак улыбнулся, но в этой улыбке не было веселья.

— Рано или поздно ты сам придёшь. Потому что самое дорогое, что ты отдашь, — это не воспоминания. Это уверенность, что ты поступаешь правильно.

Илья не стал слушать дальше. Он пошёл прочь, чувствуя, как сумка с материалами тянет его вниз, будто сама сталь напоминала: пути назад не будет.

Дома его ждала жена. Она не спрашивала, как всё прошло — она видела это по его лицу.

— Всё в порядке? — спросила она, подавая чашку горячего чая.

Илья сел за стол, положил рядом сумку, но не стал её раскрывать.

«— Заказ принят», — сказал он. — Срок — три недели.

Она кивнула, будто уже знала, что так и будет.

— И что нужно сделать?

Илья посмотрел ей в глаза. Он хотел солгать, сказать, что всё просто. Но не смог.

— Клинок должен знать, кого убивать. Для этого я должен вложить в него память о людях. О том, что делает их

слабыми.

Жена помолчала, потом тихо спросила:

— Что ты потеряешь?

— То, что нельзя вернуть, — ответил он. — Но я не потеряю самое главное. Я обещаю.

Она накрыла его руку своей.

— Главное — это мы. И то, что ты остаёшься собой. Остальное можно пережить.

Илья сжал её пальцы. В этот момент он понял: он делает это не только потому, что выбора нет. Он делает это, чтобы защитить то, что у него есть. Даже ценой части себя.

Глава 3. Дом и тишина

Улицы оружейного квартала становились тише по мере того, как Илья уходил от центра. Здесь, на окраине, дома стояли плотнее, будто прижимались друг к другу, чтобы не так сильно дуло с реки. В окнах загорался тёплый свет, и этот свет был похож на обещание: здесь всё по-прежнему, здесь ничего не сломалось.

Илья остановился у своей двери, положил ладонь на холодную деревянную панель, будто проверяя, держит ли дом его. Потом глубоко вдохнул и толкнул дверь.

— Папа! — дочь вылетела в прихожую, едва не сбив его с ног, и тут же вцепилась в его плащ, прижимаясь к грубой коже, пахнувшей мастерской и дымом.

Он улыбнулся, и улыбка вышла настоящей — потому что

её хватало только на неё.

— Ну-ка, дай посмотреть на тебя, — он присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне, и провёл ладонью по её волосам, спутанным после дня беготни и прятков.

— Ты принёс что-нибудь? — спросила она, заглядывая в сумку, где лежали бруски стали и рулонные пластины.

— Не игрушки, — мягко сказал он. — Материалы для работы. Очень важные.

Она на секунду задумалась, потом кивнула, как будто приняла это как часть папиного мира: у него не бывает игрушек, у него бывает сталь, огонь и терпение.

— Тогда расскажи сказку! — она потянула его за рукав в сторону комнаты, где уже сидела мама, подшивая старое одеяло, но отложила иголку, едва он вошёл.

Жена смотрела на него внимательно, слишком внимательно. Она не спрашивала сразу, не давила — она просто замечала. И по тому, как она чуть наклонила голову, Илья понял: она уже знает, что что-то не так. Не беда, не катастрофа, но трещина, которую он пытался скрыть.

— Садись, — сказала она тихо, пододвигая ему стул. — Чай остывает, но я подогрею.

— Не надо, — он сел, чувствуя, как тяжесть сумки тянет его вниз, будто сама сталь не хотела отпускать его из мира заказов и гильдий. — Я просто... устал.

Она кивнула. «Устал» — это было слово, которое они понимали. Устал — значит, ковал, стучал, думал, не спал.

Устал — значит, можно молчать. Но сегодня в её молчании было больше вопросов, чем обычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.